

М. А. Дандамаев

СОЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ ПЕРЕВОРОТА ГАУМАТЫ¹

Еще со времен Дункера в литературе получило широкое распространение мнение, что переворот Гауматы был реакцией мидийской знати против персидского господства, что Гаумата стремился к восстановлению гегемонии мидян над персами, к реставрации Мидийского царства².

В настоящей работе мы попытаемся показать, что эта столь широко распространенная точка зрения³ имеет мало опоры в источниках и упро-

¹ Автор выражает свою глубокую благодарность акад. В. В. Струве, В. И. Абаеву, а также сотрудникам сектора древней истории Института истории за ряд ценных замечаний, которые учтены в этой статье.

² См. например: M. D u n k e r, Geschichte des Alterthums, т. II, Lpz, 1867, стр. 816—817; F. S p i e g e l, Etänische Alterthumskunde, т. II, Lpz, 1873, стр. 310; F. J u s t i, Geschichte des alten Persiens, В., 1879, стр. 50; J. P r á š e k, Geschichte der Meder und Perser (далее сокращ. GMP), т. I, Gotha, 1906, стр. 261; акад. В. В. С т р у в е, История древнего Востока, М.—Л., 1941, стр. 374—375; «Всемирная история», т. II, М., 1956, стр. 24; М. М. Д љ а к о в, История древнего Ирана, ВИ, 1946, № 1, стр. 134; В. И. А в д и е в, История древнего Востока, М., 1953, стр. 542.

³ Считать, что переворот Гауматы носил мидийский характер, отказывался еще G. R a w l i n s o n, The history of Herodotus, II, L., 1940, стр. 549—553. Но он, исходя из совершенно ошибочной теории, что магизм — скифская религия, переворот Гауматы считал движением, направленным против «арийской» религии, религиозной «революцией», имевшей целью передать власть от военной касты жрецам. Мнение, что переворот Гауматы привел к установлению теократической власти мидийских магов, было поддержано и многими другими исследователями (см. например: W. H u t e k e r, Ueber den falschen Smerdis, Königsberg, 1885, стр. 61; С. H u a r t e t L. D e l a p o r t e, L'Iran antique, Élam et Perse et la civilisation iranienne, P., 1943, стр. 250; W. H e n n i n g, The murder of the Magi, JRAS, 1944, стр. 133 сл.; J. J u n g e, Dareios I. König der Perser, Lpz, 1944, стр. 43). Сторонники этой точки зрения ссылаются на сообщение Геродота (III, 79) и Ктесия (fr. 15) об избиении магов при вступлении Дария на престол (τὰ μαγοφόνια). Но, как показал Маркварт («Philologus», 55, 1896, стр. 234—236), представление об обычае избиения магов обязано своим происхождением ложному истолкованию названия древнеперсидского месяца *багадиш* и праздника, который отмечался в этом месяце. Совпадение праздника *багадиш* с днем убийства Гауматы дало повод к созданию легенды о магофонии. Слово **bagayāda* было воспринято как **magu-žati* «избиение магов». H e n n i n g, The murder..., стр. 133—136, стремясь доказать реальность магофонии, ссылается на слово *mwğžt* в согдийско-манicheйском фрагменте ТМ 393 (стк. 27). По его мнению, слово это восходит к др.-перс. **magužati* (т. е. τὰ μαγοφόνια). Однако в этом фрагменте речь идет вовсе не об избиении магов при Дарии, а об убийстве их Александром Македонским. Как известно, зороастрийская традиция считала последнего символом зла, исчадием ада, порождением Аримана. Его обвиняли в убийстве зороастрийских жрецов (магов), в сожжении Авесты и т. д. Следовательно, появление слова *mwğžt* в согдийско-манicheйском фрагменте было вызвано отношением зороастрийской тра-

щает сложную и своеобразную историческую обстановку, сложившуюся в конце 20-х годов VI в. до н. э. в Персии.

Прежде всего надо сказать, что восстание, возглавленное Гауматой, началось вовсе не в Мидии, а в местности Пишиявада, которая, как это видно из описания восстания Вахъяздаты в Бехистунской надписи (III, 41—43), была расположена в восточной Персии. Местность эту многие исследователи не без оснований отождествляют со столицей Кира и Камбиса Пасаргадами⁴. К тому же Бехистунская надпись (IV, 9—10) совершенно ясно указывает, что восстание Гауматы было в первую очередь связано с Персией, говорится, что он возмутил именно Персию. При описании восстания Вахъяздаты⁵ сказано, что он восстал в Персии вторым. Значит, первым, кто поднял восстание на территории самой Персии, был именно Гаумата.

Далее, источники не дают никаких данных для того, чтобы утверждать, что Гаумата хотел сделать положение Мидии более привилегированным, чем положение Персии или даже остальных стран. Часто считают, что о более привилегированном положении Мидии в царствование Гауматы свидетельствует освобождение подвластных персам народов от податей и воинской повинности на три года (Her., III, 67). Но ведь это освобождение получили не только мидяне, а все народы Персидской империи. Надо сказать, что это мероприятие Гауматы заслуживает специального рассмотрения. Нельзя в отмене податей на три года видеть лишь только демагогический прием, как это постоянно делается. На самом деле положение было более сложным. Хотя Геродот пишет, что впервые налоги были введены при Дарии, однако из того факта, что Гаумата отменил их, видно, что они существовали уже при Кире и Камбисе. Это видно также из вавилонского Манифеста Кира, из различных мест Геродота (III, 13; IV, 165), из сообщений Ксенофонта (Сугор., VII, 4, 2; VIII, 1, 9) и Арриана (Ind., I, 3). При Кире и Камбисе существовала система подарков (*δῶρα*) и налогов (*φοροί*). Кто не платил подати, должен был доставлять подарки, и наоборот. Система эта не была упорядочена и на практике вела к тяжелым поборам без учета экономических возможностей стран, входивших в состав Персидской империи. Положение Персии в завоеванных странах к концу царствования Камбиса было очень непрочным. При такой обстановке и были отменены подати и воинская повинность. Очевидно, что это было сделано с целью удержать покоренные народы в составе империи, а не специально ради интересов мидян. К тому же освобождение от податей не было беспрецедентным делом в практике персидских царей. Согласно Геродоту (VI, 59), всякий царь

Мидии к Александру Македонскому и к Дарию не имеет никакого отношения. Поэтому мы не можем согласиться с мнением Хеннинга, что маги стремились предать забвению истинное происхождение магофонии, обвиняя в ней Александра Македонского вместо Дария. Наконец, не следует упускать из виду и тот беспорядный и засвидетельствованный многими источниками факт, что маги были придворными жрецами Ахеменидов (см. Her., VII, 19 и др.; C t e s., Pers., fr. 15; P s.-P l a t., Alk., I, 121; C i c., De div., I, 41; Leg., 2, 26). После издания части персепольских таблеток на эламском языке не подлежит сомнению, что маги, начиная со времени царствования Дария, играли важную роль при царском дворе и пользовались большим влиянием. Они жили в царской столице Персеполе и получали необходимые для изготовления дома и совершения возлияний продукты из царской кладовой (см. A. P o e b e l, AJSL, 55, 1938, стр. 133—134; G. G a m e r o n, Persepolis treasury tablets (далее PTT), Chicago, 1948, стр. 6—8; R. H a l l o k, JNES, IX, 1950, стр. 239—240; J. H a r m a t t a, AL, IV, 1954, стр. 288). Можно отметить и тот факт, что в Персеполе среди скульптурных изображений рядом с Дарием изображен и маг в молитвенной позе (см. F. J u s t i, ZDMG, 50, 1896, стр. 660).

⁴ См. например, J. O r p e r t, JA, XVII (1851), стр. 380; W. H i n z, ZDMG, 102 (1952), стр. 35—36.

⁵ Бехистунская надпись (в дальн. сокр. Beh.), III, 23—24.

персов при вступлении на престол не взимал недоимки за прошлые годы. При вступлении же на престол Гауматы простого сложения недоимок не было достаточно для успокоения народов, недовольных тяжелыми поборами Кира и Камбиса. В целях сохранения самой Персидской империи необходимо было отказаться от произвольных поборов и перейти к упорядоченной фискальной системе. Иначе империя распалась бы. Гаумата отменил временно подати, чтобы провести фискальные реформы, и благодаря этому ему удалось, пока он являлся царем, сохранять целостность государства. Поэтому видеть в отмене податей Гауматой антиперсидское мероприятие, как это часто делается, значит игнорировать те исторические условия, которыми была вызвана эта отмена. Судя по Бехистунской надписи, захвату власти Гауматой предшествовали волнения в Персии и в других странах, направленные против Камбиса. Эти волнения привели Гаумату к царской власти и прекратились вместе с его воцарением. Он восстал 11 марта 522 г. и не позже, чем через месяц, был признан в Вавилонии, откуда мы имеем, начиная с 14 апреля, датированные по его царствованию документы⁶. К 1 июля 522 г. Гаумата получил всеобщее признание и стал царем всей империи⁷. Утверждения некоторых исследователей⁸, что Египет, Сирия и Лидия не признали Гаумату, находятся в прямом противоречии с сообщениями Бехистунской надписи, Геродота и других источников⁹, которые единодушно свидетельствуют о том, что в течение всего царствования Гауматы государство не знало никаких восстаний и мятежей¹⁰.

См. J. Strassmaier, ZA, IV (1889), стр. 123—125, 148 сл.

⁷ См. Beh., § 11; W. Hinz, ZDMG, 92 (1938), стр. 146 сл.; G. Cameron, AJSL, 58 (1941), стр. 314 сл.; R. Parker and W. Dubberstein, Babylonian chronology 626 B. C.—A. D. 45, Chicago, 1942, стр. 12.

⁸ См., например, Prášek, GMP, I, стр. 274.

⁹ Beh., § 11; Her., III, 67; Aesch., Pers., 774; Ctes., Pers., fr. 13; Iust., IX, 12 сл.

¹⁰ Распространенное мнение, что будто бы во время царствования Гауматы Персидская империя находилась в состоянии постоянных восстаний, что Вавилон и Элам отпали от Персидской империи еще при его жизни и что восстания Фравартша, Фрады, Вахьяздаты и Нидинту-Бела были направлены против него (см. C. Lehmann-Haupt, Wann lebte Zaratuštra? Сб. «Oriental studies in honour of C. Pavry», L., 1933, стр. 280; F. Köniq, Der falsche Bardija; Dareios der Grosse und die Lügenkönige (далее: FB), Wien, 1938, стр. 25, 38, 195—199; H. Nyberg, Die Religionen des alten Iran, Lpz, 1938, стр. 345; E. Herzfeld, сб. «India Antiqua», Leyden, 1947, стр. 184), находится в противоречии с данными источников. Бехистунская надпись совершенно ясно указывает, что все эти восстания вспыхнули только после убийства Гауматы и были направлены против Дария. В этой надписи (I, 73—75) говорится: «когда я убил мага Гаумату, затем (pasāva)... Ассины... восстал в Эламе». Pasāva (в аккадском варианте ar-ki, в эламском men) — десятки раз встречающееся наречие со значением «затем», «после» (значение это отрицать никому в голову не приходило, но многие молчаливо игнорируют его). Отсюда ясно, что восстание Ассины произошло после вступления Дария на престол. След за Ассиной восстал Нидинту-Бел в Вавилоне. Когда Дарий подавлял восстание последнего, вспыхнули восстания Вахьяздаты в Персии, Фравартша в Мидии, Фрады в Маргиане, Чиссатахмы в Сагартии и т. д. (см. Beh., II, 5—8). Таким образом, все эти восстания возникли после 29 сентября 522 г., когда был убит Гаумата, и именно при известии об его убийстве и вступлении Дария на престол. Что до момента убийства Гауматы не происходило никаких восстаний, видно также и из § 6 Бехистунской надписи, где сказано, что Ахурмазда вручил Дарию царство над 23 странами после того, как он стал царем. Значит, к самому началу царствования Дария все 23 страны, которые перечислены в надписи, еще входили в состав империи. Кениг (FB, стр. 38) с особой настойчивостью стремится доказать, что восстание Нидинту-Бела произошло еще при жизни Гауматы и было направлено именно против него. Х. Нюберг пишет об этом, как о факте, не подлежащем сомнению. Но, не говоря о Бехистунской надписи, против этого положения свидетельствуют и вавилонские деловые документы. Первый контракт, относящийся к Нидинту-Белу (Навуходоносер III), датирован 6 октября 522 г. (см. J. Strassmaier, Inschriften von Nabuchodonoser, König von Babylon, Lpz, 1889, документ

Многие исследователи¹¹, считающие, что действия Гауматы носили антиперсидский характер, опираются на слова Бехистунской надписи (I, 50—51): *Kārašim atarsa* «народ боялся его» (т. е. Гауматы). Но даже из самой Бехистунской надписи — этой официальной версии, толкующей события в угоду Дарию, — ясно можно заметить, кого народ боялся, Гауматы или Дария. Когда Гаумата стал царем, весь персидский народ единодушно перешел на его сторону, а вступление Дария на престол ознаменовалось серьезным и длительным восстанием в самой Персиде. Против Дария восстал тот самый народ (*kāga*), который не восставал против Гауматы.

Наконец, многие историки считают возможным говорить о мидийском характере переворота Гауматы, исходя из того факта, что перед тем, как его убили, он находился в Мидии, в области Нисайя. Полагают, что в Мидию он перенес свою столицу, считая для себя опасным оставаться в Персии. Отсюда делается вывод, что персы относились к Гаумате враждебно и тогда, когда остальные народы признали его¹². Однако Геродот (III, 68—69) и Ктесий (fr. 29) пишут, что маг Смердис жил и был убит в Сузах. Разумеется, оба греческих автора неправы, когда переносят убийство Смердиса в Сузы, поскольку Бехистунская надпись указывает, что он был убит в Мидии, в местности Нисайя. Но сообщения Геродота и Ктесия все же указывают на то, что столицей Смердиса были Сузы. Пребывание же его в Мидии следует объяснить другими причинами. Известно, что еще Кир II, сообразно с сезоном года, как это делали и последующие персидские цари, жил в различных местах своего обширного государства, в том числе и в Мидии¹³. Гаумата был убит в конце сентября, т. е. в то время года, которое Ахемениды большей частью проводили в Экбатанах. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Гаумата проводил лето недалеко от Экбатан, в знаменитой Нисайе, богатством и благодатностью климата которой восхищались многие античные авторы.

Кроме того, если бы Гаумата восстанавливал мидийские привилегии, это нашло бы отражение в Бехистунской надписи. Дарий не преминул бы сообщить, что Гаумата отнял власть у персов, а он сам оказал персам великую услугу, вернув им эту власть. Однако ничего этого в Бехистунской надписи нет. Дарий ставил Гаумате в вину не то, что тот восстановил мидийское господство, а захват царства рода Дария. При описании событий, связанных с царствованием Гауматы, в Бехистунской надписи нет ничего, что говорило бы о промидийском характере его политики. Это тем более достойно внимания, что во всех прочих случаях (при описании восстаний Нидинту-Бела, Фравартиша, Фрады, Арахи и т. д.) в Бехистунской надписи совершенно ясно выступает антиперсидский характер мятежей против Дария. Но там, где в надписи речь идет о царствовании Гауматы, на первое место выступает Персия, а не Мидия. Именно Персия играет в перевороте Гауматы первостепенную роль, на его сторону переходит сначала именно «весь персидский народ», а потом только мидяне и остальные народы (Beh., I, 41—42). В Бехистунской надписи нет и речи о противопоставлении Гауматой мидян и персов, о том, что от его царствования мидяне приобрели какие-нибудь особые выгоды, одержали над персами какой-либо триумф. Нет ничего подобного и в

№ 3), а Гаумата был убит еще за неделю до этого. Кроме того, другой контракт, составленный 20 сентября 522 г., датирован еще по царствованию Гауматы (см. Strassmaier, ук. соч., стр. 127 сл., 151 сл., документ № 8).

¹¹ См., например, F. Spiegel, *Die altpersischen Keilinschriften*, Lpz, 1881, стр. 8.

¹² См., например, Dunccker, *GdA*, стр. 553 и 816.

¹³ Xen., *Сугор.*, VIII, 6. 22; Strabo, XI, 13,5; Arr., *Anab.*, III, 16, 7.

других надписях Дария¹⁴. Правда, у Геродота (III, 67) вскользь сказано, что об убийстве мага Смердиса горевали все народы, кроме персов. Но Геродот не говорит, что одни мидяне жалели о его гибели, и вообще у Геродота в описании событий времени царствования Смердиса нельзя найти ничего, что говорило бы об особом интересе мидян к последнему. Наоборот, и при Смердисе персы выступают как господствующий народ. Наконец, следует отметить, что у Эсхила (Pers., 774) Мард (так у него назван Гаумата) не имеет к мидянам никакого отношения. Стоит также обратить внимание на то, что, по Ктесию, борьба мага Сфендадата (так Ктесий называет Гаумату) за власть носила чисто личный характер, а не была направлена к освобождению мидян от персидского господства. Все сказанное заставляет нас искать причины переворота Гауматы не в Мидии, а в Персии. Попытаться понять его политику можно только при учете той политической и социальной борьбы, которая имела место еще при Камбисе. Поэтому необходимо вкратце остановиться на социальной политике Камбиса и на отношении к нему официальной персидской традиции

Многие смотрят на Камбиса как на эпилептика, без всякой рациональной цели совершавшего бессмысленные преступления, как на «взбалмошного холерика», который под конец жизни стал «бешеным сумасшедшим»¹⁵. Исследователи этого направления, разумеется, обходят вопрос о социальных причинах деспотизма Камбиса. Немногочисленные противники этой точки зрения, стремясь обелить Камбиса, отбрасывают в сторону настойчивую традицию, засвидетельствованную персидскими, египетскими, еврейскими, греческими и латинскими источниками, считая ее тенденциозной выдумкой египетских жрецов¹⁶. Разумеется, и эта точка зрения неприемлема для нас, так как она не учитывает документально засвидетельствованных фактов. К тому же, как нам кажется, греческая традиция, настойчиво подчеркивающая дикий деспотизм и болезненность Камбиса, имеет в основе своей персидский источник.

Из целого ряда фактов можно заметить враждебность Дария и его сподвижников к Камбису. Обращает на себя внимание та форма, в которой в Бехистунской надписи (I, 43) сообщается об убийстве Камбисом Бардии. В надписи сказано, что Камбис убил своего «единокровного и единоутробного брата». Особое подчеркивание родственных отношений между Камбисом и Бардией в данном контексте, как это отметил акад. В. В. Струве (ВДИ, 1949, № 2, стр. 19), указывает на враждебность Дария к Камбису.

Рассказывая о смерти Камбиса, автор Бехистунской надписи прибегает к очень своеобразному выражению — *uvāmaršiyuš amariyatā*. По нашему мнению, выражение это содержит глухой намек на то, что, с точки зрения Дария, Камбис умер заслуженной им смертью, не избежав кары за совершенные им преступления¹⁷.

Враждебное отношение к памяти Камбиса со стороны Дария можно заметить и в следующем. В то время как могила Кира II охранялась как

¹⁴ И. М. Дьяконов, История Мидии, М.—Л., 1956, стр. 432, хотя сам и выступает против того мнения, что Гаумата стремился к восстановлению Мидийского царства, тем не менее считает, что эта версия нашла отражение в надписях Дария Pers. C и N-Ra. Однако в этих надписях нет никаких данных для такого вывода.

¹⁵ См. например, S. Percy, A history of Persia, I, L., 1921, стр. 158; König, FB, стр. 332 и прим.; Huart et Delaporte, L'Iran antique..., стр. 249.

¹⁶ См., например, Nuttaker, Smerdis, стр. 16—19; J. Prášek, Kambyses, Lpz, 1913, стр. 3—4 и 23.

¹⁷ См. нашу статью «Uvāmaršiyuš amariyatā», которая будет опубликована в сб. в честь 70-летия акад. В. В. Струве.

государственная святыня специально для этого назначенными магами¹⁸, Камбису не была даже построена гробница. Среди многочисленных скульптурных изображений Пасаргад, Персеполя и Суз также нет ничего, увековечивающего память Камбиса. По-видимому, все, что могло напоминать о нем, уничтожалось, в то время как могилы и скульптурные изображения остальных Ахеменидов охранялись государством до конца существования державы. Невверно было бы объяснять такое отношение со стороны Дария и его окружения к Камбису тем, что последний принадлежал к старшей линии Ахеменидов. Ведь памятники, связанные с именем его отца Кира II, также охранялись государством, и они сохранились до сих пор.

Наконец, след персидской традиции, осуждавшей действия Камбиса, можно заметить и в том месте труда Геродота (III, 80), где знатный перс Отана жаловался на произвол Камбиса по отношению к персидской знати. Все это заставляет полагать, что античная традиция, идеализирующая Кира и осуждающая Камбиса, является отражением официальной персидской традиции. Эта традиция противопоставления Кира и Камбиса была воспринята Эсхилом (Pers., 768—772), Геродотом (III, passim), Ктесием (fr. 13), Платоном (Leg., III, 694, A, B, C), Ксенофонтом (Сугор., VIII, 8), Помпеем Трогом (Just., IX, 8) и вообще всей античной литературой. Из последней традиция эта была заимствована раннехристианскими писателями (Орозий), а позже и современной историографией. При этом объяснение противопоставления Кира и Камбиса ищут не в реальных исторических условиях Персии VI в. до н. э., а только в личных качествах этих царей. Однако вполне естественен вопрос: какая именно социальная группа в Персии идеализировала Кира и осуждала Камбиса, и чем была вызвана такая диаметрально противоположная оценка деятельности того и другого?

Здесь нельзя упускать из виду своеобразие в возникновении и развитии Персидского государства, которое, по нашему мнению, имело исключительно большое значение для истории всего ахеменидского Ирана. Едва возникнув при Кире II, Персидское государство буквально через два десятилетия, еще не освободившись от господства родоплеменных отношений, стало величайшей мировой державой. Именно в силу этого Персия не прошла исторического пути, который характерен для большинства других рабовладельческих государств. Это — путь борьбы имеющей тенденцию к неограниченному господству царской власти против родовой знати, отстаивающей упорно свои прежние привилегии. При Кире II эта борьба еще не начиналась. Сам Кир был по происхождению представителем родовой знати. Когда его положение изменилось, противоречия между его властью и привилегиями родовой знати еще не были заметны, так как и царь и родовая знать были пока заинтересованы в дальнейших завоеваниях, чему взаимная борьба помешала бы. Эти завоевания были и в интересах родовой знати, которая обогащалась во время грабительских войн. Между Киром II и родовой знатью, видимо, состоялся компромисс, условиями которого были: 1) царствование Кира над всеми персами, 2) сохранение значения и определенных привилегий родовой знати¹⁹. Те привилегии знати, которые Геродот (III, 70, 88) связывает со свержением Смердиса, приписывая их установление Дарию, на самом деле восходят к Киру II²⁰. Как это видно из самого Геродота, привилегии

¹⁸ P l i n., NH, VI, 26, 29; A r r., VI, 29, 7; S t r a b o, XV, 3, 7.

¹⁹ Намек на этот компромисс содержится и у К с е н о ф о н т а (Сугор., VIII, 5, 25—27).

²⁰ См. D u n s k e r, GdA, II, стр. 814; V. F l o i g l, Cyrus und Herodot, Lpz, 1881, стр. 13, прим. 2; P r á š e k, GMP, I, стр. 204.

эти существовали до Дария, а при нем были только восстановлены, а не введены вновь²¹.

Как кажется, именно в этом компромиссе нужно видеть причину идеализации Кира официальной персидской традицией.

Но государство развивалось, выходило из рамок патриархально-родовых отношений, завоевывались все новые и новые страны, а между тем царская власть была ограничена привилегиями родовой знати. В борьбе за освобождение от этих ограничений царская власть опирается на более широкие слои населения, составлявшие основу боевой мощи страны. Почти весь известный мир был завоеван еще Киrom. На долю Камбиса остался только Египет. Надо было перейти к определенному, более или менее урегулированному управлению покоренными странами и попытаться найти в этих странах какую-нибудь социальную опору проперсидской ориентации ради упрочения самого же персидского господства. Но здесь обнаруживались тенденции родовой знати к безграничному ограблению завоеванных стран, к сосредоточению высших должностей в этих странах в руках представителей исключительно своей среды. Обнаружились с достаточной ясностью противоречия между родовой знатью и царской властью, имевшей тенденцию перерасти в независимую от привилегий родовой знати монархию, ликвидировать эти привилегии и в конечном счете уничтожить родовую знать как социальную категорию. Как мы попытаемся показать дальше, объективно к этому и была направлена социальная политика Камбиса. Геродот очень подробно рассказывает о поступках Камбиса, которые, по его мнению, свидетельствуют о тяжком умопомешательстве этого царя²². Но все эти поступки Камбиса были направлены, как это видно из труда Геродота, против знати²³. Под последней же может подразумеваться только родовая знать. Ведь за короткий срок существования персидской мировой империи служившая знать как таковая еще не успела образоваться и происходила в массе своей опять-таки из знати родовой. Геродот (III, 89) рассказывает, что, согласно оценке самих персов, Камбис был суров и высокомерен, за что заслужил прозвище *δυσπότης* в отличие от Кира, которого за доброту к персам называли отцом. Под персами, которым так не нравился крутой нрав Камбиса, у Геродота, конечно, имеется в виду знать ведь он получал свою информацию о персидских делах от представителя знати Золира²⁴. Поэтому причину враждебности официальной персидской традиции к Камбису следует искать в его борьбе против привилегий и значения родовой знати. Но борьба Камбиса против родовой знати проходила в трудных для него условиях. Эфиопский поход потерпел неудачу, восстал Египет, в самой армии Камбиса назревал против него заговор знати, наконец, вспыхнуло восстание Гауматы. Вскоре после этого Камбис умер. Но те тенденции к сильной централизованной царской власти и уничтожению привилегий родовой знати, которые так ярко обнаружались в царствование Камбиса, не исчезли вместе с ним. Они существовали и продолжали оказывать свое влияние на дальнейший ход исторического развития. Поэтому нам кажется, что при анализе и оценке событий, свя-

²¹ Вот некоторые из этих привилегий: царь имеет право брать жену только из круга дочерей семи знатных родов; представители этих родов имеют право беспрепятственного входа к царю, право наследственного наместничества в своих областях, привилегию носить тиару, право подавать царю советы, с которыми царь должен был считаться (см. Н е р., I, 208; II, 1; III, 2; 3; 68; 73 и 77).

²² Н е р., III, 6; 25; 27; 29; 31—32; 37—38 и др.

²³ Геродот пишет, что Камбис убил сына знатного перса Прексаспеса, содрал кожу с судьи-взяточника Сисамны и велел закопать в землю 12 самых знатных (*βιοίους τοῖσι πρῶτοις*) персов.

²⁴ См. В. В. Струве, ВДИ, 1948, № 3, стр. 15.

занных с переворотом Гауматы, не следует упускать из виду эти и противоположные им тенденции, а надо искать дальнейшее развитие их взаимной борьбы. Действительно, тенденции эти со всей яркостью показали себя во время полных драматизма событий 522—521 годов и, если иметь в виду только одну Персию, явились лейтмотивом этих событий.

Для оценки переворота Гауматы чрезвычайно важен вопрос, к какой социальной группе принадлежали те шесть человек, которые вместе с Дарием убили Гаумату и беречь потомство которых Дарий призывает в своей надписи последующих царей. Интаферн принадлежал к знатному роду, который уже при Кире II стремился к независимости от царской власти (Хен., Сугор., VIII, 3, 24). Отана происходил из рода Ахеменидов (Нер., III, 2). Сестра его была женой Кира II, на одной дочери его был женат Дарий (Нер., III, 68—69), на другой женился Ксеркс I (Ctes., Pers., fr. 20). Род Отаны получал от царя каждый год мидийские платья и другие ценные подарки. Согласно Геродоту (III, 84), Отана и его род не обязаны были подчиняться царю, если не нарушали при этом персидских законов. Гобрий происходил из знатного рода Патайскорейев (Strabo, XV, 3, 1). Видарна также происходил из знатного рода. О Багабухше говорится как о знатном персе, который еще при Кире II был послан сатрапом в Аравию (Хен., Сугор., VIII, 6, 7).

Сам Дарий, как известно, происходил из рода Ахеменидов. Таким образом, не подлежит никакому сомнению, что убийцы Гауматы были представителями родовой знати. При этом Дарий сыграл в заговоре против Гауматы отнюдь не ту главную и решающую роль, которую он приписывает себе в Бехистунской надписи и которая ему отводится в историографии²⁵.

После убийства Гауматы между семью заговорщиками начались споры о форме правления, как об этом рассказывает Геродот (III, 80—84). Большинство современных историков не склонны были считать эти споры реальными для Персии конца VI в. до н. э. Но акад. В. В. Струве (ВДИ, 1948, № 3, стр. 12 сл.) показал несостоятельность таких сомнений, найдя в Накши-Рустамской надписи «В» Дария отражение (разумеется, косвенное) основных мотивов политической дискуссии, подробно изложению которой мы обязаны Геродоту. Но, если даже абстрагироваться от Накши-Рустамской надписи, ничего невозможного в такой дискуссии все же нет. При Кире II, как выше говорилось, влияние и мощь родовой знати не уменьшались, а, наоборот, вследствие захвата новых стран расширялись. Но Камбис уже стремился к полной независимости от родовой знати. При Гаумате борьба между царской властью и родовой знатью стала еще более ожесточенной. Яркое отражение эта борьба нашла в речи Отаны, направленной против монархии. Напомнив своим знатым сообщникам, до какой степени дошел произ-

²⁵ См. например, Th. Nöldke, Aufsätze zur persischen Geschichte, Lpz, 1887, стр. 30; J u n g e, Darius I, стр. 47. Согласно Геродоту (III, 67—72), организатором заговора был Отана, который привлек на свою сторону Интаферна. Затем к ним присоединились Мегабиз (Багабухша) и остальные. Когда заговор уже был организован и подготовлен, в число заговорщиков включился и Дарий. У К т е с и я (Pers., fr. 14) Дарий также не играет видной роли и в списке заговорщиков стоит на самом последнем месте. Эсхил убийцей Марда считал Интаферна. Сам Дарий в Бехистунской надписи среди своих соратников также ставит его на первое место. Несколько можно судить по схолиям к «Персам» Эсхила, Гелланик также считал убийцей Марда Интаферна (FHG, I, стр. 68, fr. 167). Здесь, по-видимому, нашел отражение тот факт, что Интаферн являлся наиболее активным участником заговора и в убийстве Гауматы сыграл первостепенную роль. Таким образом, за исключением Бехистунской надписи, тенденциозность которой в данном случае очевидна, ни один источник не считает Дария душой заговора против Гауматы.

вол Камбиса, Отана продолжает: *μετεσχήμετε δὲ καὶ τῆς τοῦ μαγῶν ὕβριος*²⁶. Это место не оставляет никаких сомнений относительно того, против кого боролся Гаумата. Он не признавал привилегий родовой знати, открыто попирая их. И, когда Геродот, а за ним и другие античные авторы пишут, что Смердис, став царем, не приглашал к себе знатных персов, здесь скорее всего следует видеть игнорирование им права представителей родовой знати на беспрепятственный вход к царю.

Из речи Отаны мы видим, что во многом действия Гауматы не были беспрецедентными, что в определенной степени его политическим предшественником был уже Камбис. Многозначителен сам факт, что персидская традиция устами Отаны ставит Камбиса в один ряд с Гауматой.

Последний в своей социальной политике шел гораздо дальше Камбиса, стремясь, во-первых, к неограниченной царской власти и оттеснению родовой знати на задний план; а во-вторых, к расширению социальной базы империи путем привлечения на свою сторону различных слоев покоренных народов. Несомненен тот факт, что в самой Персии Гаумата в борьбе против родовой знати опирался на широкие слои свободного населения. Но возможно, что он шел еще дальше. Отмена податей и воинской повинности на три года, кроме сохранения империи от распада, возможно, преследовала другую, более важную цель, а именно — поставить царскую власть вне прямой, непосредственной зависимости от персов. В этом случае опять-таки проиграла бы в первую очередь родовая знать, сократились бы источники ее богатства и могущества. Наконец, в-третьих, Гаумата стремился к религиозной централизации культа в иранских странах, по крайней мере, в Персии и Мидии.

После свержения Гауматы персидская родовая знать уже не верила в то, что царская власть будет гарантировать ее привилегии, и хотела сосредоточить всю власть в своих руках. Родовая знать стремилась к олигархии. Но Дарий выставил ряд доводов в пользу монархии. В конечном итоге, как это видно из Геродота и надписей Дария, было достигнуто следующее компромиссное решение: 1) один из семи убийц Гауматы станет по жребию царем; 2) последний будет беспрекословно соблюдать привилегии родовой знати; 3) в свою очередь, знать будет поддерживать царя. Относительно того, каким образом Дарий стал царем, все античные источники единодушны. Здесь сообщение Геродота подтверждает и его придиричивый критик Ктесий, который не упустил бы возможности изобличить Геродота во лжи, если бы ему самому не была известна персидская традиция, которую использовал и Геродот. Шесть претендентов на престол договорились, что из них тот станет царем, чей жеребец при восходе солнца заржет раньше остальных. В таком выборе царя, засвидетельствованном всеми источниками²⁷, кроме Бехистунской надписи, по нашему мнению, нет ничего невозможного. Это не легенда, как полагают многие исследователи, а способ решения при помощи гиппомансии. Дарий стал царем как один из представителей знатных заговорщиков, а не как представитель царского рода по праву наследования престола. В противном случае не было бы надобности в гиппомансии²⁸.

²⁶ «И вы (сами) терпели от бесчинства мага» (Her., III, 80).

²⁷ Her., III, 85—88; Plat., Epist., VII, 332 A; Leg., III, 659 b; Ctes., Pers., fr. 15; Iust., X, 4; Polyaeen., VII, 11, 2; Amm Marc., XXIII, 6, 36.

²⁸ Захват царской власти Дарием как ближайшим наследником Камбиса, не надлежит его роду, исключен. Ведь в этом случае не Дарий должен был стать царем, а его отец или даже дед, которые были живы и значительно позднее. Нельзя согласиться с теми исследователями, которые полагают, что Гистасп отказался от престола ввиду преклонного возраста. Ведь он возглавил подавление восстания в Парфии и

Большинство представителей родовой знати примирилось с избранием Дария на престол²⁹. В тяжелые для Дария 522—521 годы эта знать на деле показала свою преданность ему. Зато иначе отнеслись к захвату Дарием царской власти подвластные персам народы и масса самого персидского народа. Вспомним, что Гаумата, когда он стал царем, встретил совершенно другое отношение. Геродот (III, 67 сл.) пишет, что весь народ охотно перешел на его сторону и только знать относилась к нему подозрительно, а позже и выступала против него. Бехистунская надпись, несмотря на свой официальный характер, полностью подтверждает известную нам из Геродота картину. После воцарения же Дария персидский народ восстал против него и упорно боролся с ним. Когда перс Вахьяздата, под именем Бардии и, вероятно, приняв, таким образом, политическую программу своего предшественника Гауматы, восстал против Дария, он нашел в Персии большую поддержку. Основная масса персидского народа перешла на его сторону и выступила против Дария³⁰.

Теперь для дальнейших суждений о сущности переворота Гауматы нам не обойтись без привлечения знаменитого § 14 Бехистунской надписи³¹. Здесь изложена негативная политика Гауматы и позитивная политика Дария. Ниже мы приводим то место из § 14, которое и до сих пор вызывает разногласия: *adam niyađarāyām karahyā abicariš gaiđāmsā māniam-sā viñbišcātyādiš Gaumata.adinā*. Остановимся сначала на содержании отдельных терминов, затем на выяснении синтаксической конструкции и, наконец, попытаемся дать перевод и интерпретацию этого текста.

Из всех предложенных для *abicariš* толкований лучшим остается «пастбище»³². Для *gaiđā* лучшим является перевод «движимое имущество»

Гиркании, когда Дарий стал царем. Последнему в это время было не более 27—28 лет (Н е г., I, 209; С t e s., Pers., fr. 19), а он был старшим сыном Гистаспа (Н е г., I, 209). Значит, самому Гистаспу в 522 г. было около 50 лет, возраст отнюдь не преклонный. Все источники, за исключением Бехистунской надписи, подчеркивают, что Дарий до своего воцарения был незначительным частным человеком (Н е г., III, 139; P l a t o, Leg., III, 695 c; J u s t., X, 13—14). Да и сам Дарий везде первым и основным аргументом в пользу того, что он законный царь, считает «желание Ахура-Мазды», который «принес царство» ему. Правда, Дарий происходил из царского рода Ахеменидов, но к этому роду принадлежал, скажем, Отана, который имел такое же право на престол, как и Дарий. Совершенно очевидно, что здесь дело не в каких-то наследственных правах на престол, а в реальном соотношении политических сил, которые привели Дария к власти.

²⁹ Но не все. Интаферн, человек необузданного честолюбия (Х е п., Сугор., VIII, 3, 21) и исключительной смелости, вовсе не думал отказываться от престола и готовил против Дария заговор. Дарий сначала испугался, не свидетельствует ли поступок Интаферна о заговоре шести знатных персов против него. Но узнав, что действия Интаферна не согласованы с остальными, Дарий успокоился и только после этого велел предать Интаферна со всей семьей смертной казни (Н е г., III, 118—119). Дарий, очевидно, считал, что Интаферн нарушил соглашение, достигнутое между знатью и царем.

³⁰ Восстание Вахьяздатy требует специального исследования.

³¹ Работа над этим местом надписи имеет более чем столетнюю историю. Уже первый исследователь надписи Дж. Р а у л и н с о н (JRAS, X, 1847, стр. 206) отмечал особую трудность интерпретации этого параграфа, указывая, что орфография ряда важнейших слов сомнительна, этимология почти неясна. С тех пор исследователи многократно возвращались к этому месту. Однако и в настоящее время имеются серьезные разногласия в его переводе. Буржуазные ученые ищут в Бехистунской надписи отражения феодальных отношений. Они полагают, что никакой существенной разницы в общественном строе Персии ахеменидской, парфянской и сасанидской не было. Такие иранисты, как Фои, Кёниг и Херцфельд, довели эти антиисторические концепции буржуазной историографии до их логического конца и в § 14 Бехистунской надписи ищут «рыпарей круглого стола», феодальную знать, ленные владения, крепостных и т. д. (см. W. F o y, ZDMG, LIV, 1900, стр. 341—355, 374; F B, K ö n i g, стр. 74—76; E. H e r z f e l d, Altpersische Inschriften, B., 1938, s. v. *abicariš, gaiđā*).

³² Ср. ново-перс. *čarīdan* «пасти», пехлев. *čarak* «пастбище» (F o y, ZDMG, LIV, стр. 551—553).

во»³³. Мы не можем признать правильными отождествления персидского *abicařiš* с арамейским *nksy*, а *gaiḏā* с арамейским же *bty*, как это предлагает В. О. Тюрин³⁴. Эти отождествления основаны на предположении, что в арамейском варианте Бехистунской надписи порядок последовательности терминов был такой же, как и в персидском. Однако в аккадских вариантах сузских надписей Ахеменидов при переводе персидского выражения *uvasram umartiyam* порядок обратный. Да и в самой Бехистунской надписи (§ 63) при переводе персидских выражений *šakaufim* и *tunuvatam* на аккадский язык порядок обратный. Тем более мы не должны ожидать последовательности оригинала в арамейском переводе, так как последний представлял собой особую редакцию надписи. Но и помимо этого против отождествлений В. О. Тюрин говорит сильнее всего тот факт, что в арамейском варианте Бехистунской надписи персидскому *viḏ* всегда соответствует *bty*; В. О. Тюрин же отождествляет *bty* не с *viḏbišcā*, как это всегда делает переводчик надписи на арамейский язык, а с *gaiḏā*. К тому же В. О. Тюрин полагает, что порядок следования прямых дополнений в арамейском варианте соответствовал персидскому. В таком случае, каким термином в арамейском могло быть переведено персидское *viḏbišcā*? Очевидно, как и во всех остальных случаях, только через *bty*. Предполагать, что в арамейском варианте одним термином *bty* могли быть переведены два различных персидских слова (*gaiḏā* и *viḏbišcā*), к тому же находящихся рядом в одном и том же контексте, не приходится. Поэтому по-прежнему остается в силе отождествление *viḏbišcā* с *bty*, установленное еще Грейем³⁵.

Персидскому *māniya* в эламском соответствует *kur-taš*. Последнее слово хорошо известно из персепольских таблеток на эламском языке. В этих документах слово *kur-taš* встречается постоянно для обозначения мужчин, женщин и детей, работающих в царском хозяйстве³⁶. Кэмерон производит *kur-taš* в конечном счете от персидского *kar* «делать». Но Гершевич (ук. соч., 142) справедливо отвергает эту этимологию и полагает, что *kur-taš* происходит от авестийского *gəgəda* «дом» и имеет значение «домашний слуга» по аналогии с санскритским *grhya* с тем же значением. Это подтверждается и персидским *māniya*, соответствующим *kur-taš* и имеющим, как справедливо полагает Гершевич, значение «домашний слуга» (οἰκέτης). Он же обращает внимание и на тот факт, что в тохарском языке *mānu* обозначает рабов. Согласно В. О. Тюрину (ВДИ, 1951, № 3, стр. 36), *kurtaš* — это разорившиеся свободные, работающие за плату. И. М. Дьяконов (Мидия, стр. 329) полагает, что «основная масса *kurtaš* состояла из рабов». Учитывая приведенную выше аргументацию Гершевича о происхождении и значении слов *kur-taš* и *māniya*, этот вывод И. М. Дьяконова надо признать обоснованным. Однако слово *kur-taš*,

³³ См. Chr. Bartolomae, *Altiranische Wörterbuch*, Strassburg, 1904, стб. 476—479. В эламском варианте *abica-iš* соответствует *lu-taš*, а *gaiḏā* переведено через *āš*. Оба эламских слова являются *ἀπαξ λεγόμενα*. В последнее время Н. Р а р е г, *The phonology and morphology of Royal Achaemenid Elamite*, Ann Arbor, 1955, стр. 6, предложил для них очень вероятное толкование. Он видит в знаке LU идеограмму UDU, а в *āš* идеограмму ZIZ, употребленные в общем смысле «сельское хозяйство».

³⁴ В. О. Т ю р и н, К установлению значения социально-экономических терминов Бехистунской надписи, Тр. ИЯ АН СССР, VI (1956), стр. 514—518.

³⁵ L. G r a y, JAOS, XXXIII (1913), стр. 282.

³⁶ Кэмерон (РТТ, стр. 42—43) полагает, что слово *kur-taš* в персепольских таблетках не имеет того значения, что в § 14 Бехистунской надписи, и его персидский коррелят *māniya* он переводит «царский дом». Но I. G e r s c h e v i t c h, AM, II, 1952, стр. 40, справедливо возражает, что в § 14 Бехистунской надписи перед *kur-taš* нет детерминатива для обозначения места и поэтому слово это не может обозначать «дом». А в персепольских таблетках *kur-taš* всегда предшествует детерминативу для обозначения лиц. Поэтому отождествление *māniya* и *kur-taš* не вызывает сомнений.

по-видимому, имело и более широкое значение: среди работавших в хозяйствах персидских царей, вероятно, были и обедневшие, но лично свободные люди. Поэтому при интерпретации этого термина § 14 Бехистунской надписи надо исходить из общей оценки политики Гауматы и Дария.

Переходя к синтаксическому анализу, отметим, что слова *abicařiš gaiðamcā māniyamcā* являются прямыми дополнениями. *Kārahyā* до сих пор переводили дательным падежом. Однако данная форма этого слова выступает в древнеперсидском не только в качестве дательного, но также и родительного падежа. В § 14 это слово лучше перевести родительным падежом, так как соответствующее ему эламское слово стоит в родительном падеже. [*taš*]-šú-ib-na (Beh., I, 49). Поэтому *kārahyā* в § 14 указывает, что имущество, выраженное прямыми дополнениями, представляет собственность *kāga*.

Viðbiš(cā) является инструментальным падежом. Кент, полагая, что инструментальный падеж выполняет, в частности, функции винительного, переводит *viðbišcā* «и дома»³⁷. При этом Кент ссылается на выражение *māniyamcā viðbišcā*, а также на *Auramazdam artācā*, где инструментальный падеж *artācā* он переводит винительным. Однако в обоих случаях, на которые ссылается Кент, слова, стоящие в инструментальном падеже, в силу природы своей неразрывно связаны с предшествующими им словами, стоящими в винительном падеже. Пастбища, рабы и движимое имущество неразрывно связаны с хозяйствами (*viðbišcā*). Таким же образом, согласно мировоззрению зороастрийцев, Ахура-Мазда и «арта» неотделимы друг от друга. Поэтому нет оснований приравнять инструментальный падеж к винительному, рассматривая его как частный случай последнего. Это скорее инструментальный присоединительный падеж: «Ахура-Мазда вместе с „артой“». Энклитическое местоимение *diš* стоит в винительном падеже множественного числа, но относится к *kārahyā*. Последнее, хотя и является словом, выступающим в единственном числе, иногда встречается и в собирательном смысле (например, Beh., II, 19—20).

Слово *māniya* стоит в винительном падеже ед. числа, но, по нашему мнению, употреблено здесь в собирательном смысле, как немного выше *kāga*.

Имея в виду все сказанное, мы можем перевести цитированное место из § 14, не прибегая к помощи скобок, следующим образом: «Я вернул народа-войска пастбища и движимое имущество и рабов вместе с хозяйствами, которых его лишил маг Гаумата»³⁸.

Теперь можно перейти к интерпретации текста. Бехистунская надпись говорит о возвращении Дарием для *kāga* определенных видов имущества. Под *kāga* многие исследователи понимают только крестьян-общинников и рядовых воинов. И. М. Дьяконов (История Мидии, стр. 433), не оспаривая в общем такого значения, полагает, что в § 14 к *kāga* отнесена и «наиболее отсталая местная родовая знать». Нам представляется, что термин *kāga*

³⁷ R. G. Kent, *Old Persian grammar. Texts. Lexicon*, New Haven, 1953, § 252 и стр. 120.

³⁸ Эламский вариант следует перевести (Beh., 49—50): «Я восстановил в хозяйствах [на]рода *lu-taš* и *āš* и *kur-taš*, которые Гаумата маг отнял у него». Аккадский вариант в соответствующем месте сильно разрушен. Сохранились только слова, которые следует перевести: «Я [вернул] народу..., что этот маг Гаумата отнял у него». В арамейском варианте сохранились только слова *nksihum btihum*, т. е. «их имущества (и) их дома». По видимому, конструкция арамейского предложения была другая, чем в персидском варианте, что не противоречит общему характеру арамейского варианта, который в отличие от персидского и эламского стоит особняком и близок к аккадскому переводу.

является еще более общим, что этот термин охватывал не только массы крестьян-общинников и рядовых воинов, но также и знать, и вообще всех свободных людей общества³⁹, в котором еще сравнительно незадолго до описываемых в Бехистунской надписи событий господствовал родовой строй. Во всяком случае нет оснований полагать, что слово *kāga* включало только людей, находившихся в антагонистическом отношении к знати. Антагонистические социальные группы персидского общества этого времени в ахеменидских надписях носят другие названия, а именно и *tunuvant* и *skauṛiš*. Первое название охватывает знать, а второе — экономически зависимую от знати бедноту⁴⁰. Поэтому мы не можем согласиться с теми исследователями, которые, понимая под *kāga* только крестьянские массы, полагают, что Гаумата в интересах знати предпринял поход против персидского народа, разрушая его храмы, отбирая пастбища и стада, отнимая детей и жен общинников, чтобы заставить их работать в царском хозяйстве⁴¹.

Если стать на такую точку зрения, станет непонятной даже официальная версия этих событий, изложенная в Бехистунской надписи, где (I, 40—42) совершенно ясно говорится, что сразу после восстания Гауматы «весь народ...перешел на его сторону и Персия, и Мидия, и другие страны», и что (Beh., I, 48—50) никто до Дария против Гауматы не выступал. Если бы Гаумата угнетал и разорял основную массу народа, ей незачем было бы переходить на его сторону. Ведь большинство персидского народа не перешло на сторону Дария, а было покорено только силой. Если Дарий возвратил крестьянам-общинникам имущество, будто бы отнятое Гауматой, непонятно, почему такое благодеяние было последними так враждебно встречено. По-видимому, насилия и конфискация имущества были предприняты Гауматой не с целью обогащения⁴², а чтобы сломить могущество родовой знати. Следует иметь в виду также, что в убийстве Гауматы простой народ не принимал никакого участия. Он, наоборот, враждебно встретил убийство его родовой знати, и Дарию не удалось удержать под своей властью место, где восстал Гаумата, и область, где последний был убит. С другой стороны, если Гаумата отнимал имущество крестьян-общинников, чтобы отдать его знати, заставлял их работать на знать, то непонятно, почему знати понадобилось убить такого верного защитника ее интересов.

Мы не должны удивляться, что Дарий, рассказывая о негативных мероприятиях Гауматы и собственных позитивных, прибегает к общим выражениям, не поясняя конкретно, против кого выступал Гаумата и какой социальной группе вернул он сам имущество, отнятое его врагом. Вместо ясного ответа на этот кардинальный вопрос Бехистунская надпись изображает Дария защитником народа вообще, а не какого-либо его социального слоя. Совершенно ясно, что такое тенденциозное освещение социальной политики Гауматы и идеализация политики Дария являются

³⁹ См. например, Beh., I, 31—32: «Когда Камбис убил Бардию, народу (*kāgaṇuā*) не было известно, что Бардия убит». Очевидно, что здесь под *kāga* имеются в виду не только крестьяне, но и знать — см. Beh., I, 66: «Я народ (*kaṅām*) на место поставил». Ясно, что Дарий «поставил на место» все слои населения. Ср. Beh., I, 75: «Ассина говорил народу (*kāgaṇuā*) так: я царь в Эламе». Вряд ли только к одним крестьянам-общинникам и рядовым воинам обращался Ассина, а не ко всему населению в целом, включая, конечно, и знать. Ср. далее Beh., II, 75—76: «Фарвартиша держал связанным у ворот моих. Весь народ (*kāga*) смотрел на него».

⁴⁰ См. Beh., IV, 65 и DN — Rb 9.

⁴¹ См., например, J. Hertel, *Die Zeit Zoroasters*, Lpz, 1924, стр. 42; K. Galing, AO, XXXVI (1937), стр. 37; Т ю р и н, Тр. ИЯ АН СССР, VI, стр. 521.

⁴² Ведь в его распоряжении были колоссальные богатства ахеменидских дворцов!

преднамеренными. Ведь это обычная царская надпись, верить каждому слову которой было бы наивно⁴³.

С другой стороны, неправильно также видеть в Гаумате революционера, предшественника Маздака, борца за интересы крепостных крестьян, угнетенных низов, как это полагают Херцфельд и Кёниг⁴⁴. Нам представляется, что прав И. М. Дьяконов (История Мидии, стр. 433), который полагает, что от реформ Гауматы пострадала родовая знать. Реформы Гауматы были направлены против персидской родовой знати и не затрагивали интересов массы персидского народа. Причину той поддержки, которую эти массы, видимо, оказывали Гаумате, следует искать в том, что родовая знать господствовала в экономике, угнетала крестьян-общинников. Поэтому реформы Гауматы объективно были в интересах большинства народа, и поэтому, как только Дарий стал отменять его установления, по всей империи разразились восстания. В той или иной степени многие восстания объективно были направлены к восстановлению порядка, введенного Гауматой, к уничтожению привилегий персидской родовой знати (Вахьяздата), уничтожению совершенно исключительного положения персов в империи (Фравартиш, Нидинту-Бел и др.). Как мы видели выше, Дарий получил царский престол как представитель родовой знати, именно из рук этой знати. Эта зависимость Дария от родовой знати нашла яркое отражение во всех источниках. У Страбона (XV, 3, 24) прямо сказано; что «семь персов умертвили магов и передали царство Дарию». Последний принимал всевозможные меры, чтобы привязать к себе родовую знать, обеспечить ее преданность. В этом отношении он зашел, видимо, весьма далеко: Платон (Leg., III, 695, В, С, D, E) пишет, что Дарий разделил царство на семь частей между своими сообщниками в убийстве Смердиса. Сообщение это, хотя и не соответствует действительности, могло возникнуть только при том исключительном положении, которое персидская родовая знать заняла при Дарии⁴⁵. Эта знать не только при Дарии, но также и при последующих царях являлась важнейшей опорой царской власти. Эсхил (Pers., 956—960) говорит о шести наследственных персидских князьях, которые по своему значению и оказываемой им чести были близки к самому царю. А из книги Эсфирь узнаем, что приближенными Артаксеркса были «семь князей персидских и мидийских, которые могли видеть лицо царево и сидели первыми в царстве»⁴⁶. Все остальные источники единодушно подтверждают эту картину господствующего положения родовой знати у персов. В господстве этой знати, по нашему мнению, следует видеть причину слабости Ахеменидской империи и узости ее социальной базы даже в самой Персии. Вплоть до крушения империи Ахе-

⁴³ Полный учет субъективного фактора в Бехистунской надписи требует специального исследования.

⁴⁴ Herzfeld, *Altpersische Inschriften*, стр. 52; König, *FB*, стр. 210—212.

⁴⁵ Выше мы старались выявить социальные причины идеализации Кира II и осуждения Камбиса официальной персидской традицией. Интересно отметить, что последняя идеализовала также Дария. Он сам оставил ряд надписей, где изображает себя врагом лжи, защитником справедливости, мудрым и умеющим сдерживать свой гнев царем. В Персеполе и Сузах до сих пор сохранилось множество скульптурных памятников, которые изображают Дария в схватках с разного рода чудовищами, олицетворявшими ложь и зло. Все преемники Дария на персидском престоле с гордостью упоминают в своих надписях, что они являются его потомками. Поразительно, до какой степени идеализации Дария, следуя официальной персидской традиции, дошел Эсхил в трагедии «Персы». Платон (Leg., III, 694, А, В, С) пишет, что Кир давал подданным большую свободу, но такому состоянию пришел конец при Камбисе. При Дарии же, продолжает Платон, свобода персов была почти полностью восстановлена. И далее, сам Платон объясняет, в чем заключалось дружелюбие Дария к персам, указывая, что он разделил царство между своими сторонниками из знати.

⁴⁶ Кн. Эсфирь, I, 14 (цитировано по русскому переводу).

менидов большую роль в Персии играли родоплеменные отношения, племенная обособленность, разобщенность⁴⁷, сковывавшие развитие рабовладельческого способа производства. В руках представителей персидской родовой знати были сосредоточены все важнейшие должности не только в самой Персии, но также и в завоеванных странах. Это, в свою очередь, вело к грабежу этих стран, замедляло в них развитие производительных сил.

Хотя Дарий и являлся ставленником родовой знати, тем не менее после грозного урока, полученного в 522—521 гг., он стремился к сохранению массы рядовых персов как боеспособного населения⁴⁸, преданного царю и готового подавить любые восстания. Дарию удалось временно ослабить борьбу между крестьянскими массами и родовой знатью Персии, обложив покоренные народы данью и освободив персов от налогов и принудительных работ. Это привело к тому, что персидский народ вел паразитический образ жизни за счет грабежа десятков других народов. Империя, основанная на узкой базе не занимавшегося в массе своей производительным трудом персидского народа, не могла долго противостоять восстаниям со стороны покоренных народов. А вместе с отпадением отдельных стран и, следовательно, уменьшением прибавочного продукта, поступавшего от них, знать все сильнее эксплуатировала персидский народ. Последний разорялся, становился негодным к военной службе и заменялся наемным войском. Поэтому при первом же столкновении персидской армии с войском Александра Македонского обнаружилась неизбежность крушения Ахеменидской империи.

⁴⁷ С момента возникновения империи Ахеменидов до ее последнего часа войска выступают в поход, построившись по народам и племенам (H e r., VII, 6; 67; X e n., Сугор., V, 3, 38—39; Anab., I, 8, 9; A r r., Anab., III, 8, 11; C u r t., Anab., IV, 6—7, 12.

⁴⁸ См. В. О. Т ю р и н, Внутренняя политика Дария I, 1941 (неизданная кандидатская диссертация), стр. 198—200; В. В. С т р у в е, ВДИ, 1948, № 3, стр. 24.

